

Донка Петканова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОСТРАННОГО ЖИТИЯ МЕФОДИЯ

Хорошо известно, что пространные жития Кирилла и Мефодия являются первостепенными источниками изучения дела обоих братьев. Наряду с этим они являются и чрезвычайно интересными литературными памятниками. Определение времени их создания обеспечит более высокую степень доверия к житиям как к историческим источникам и позволит дать им более точную оценку. Вот почему этот вопрос долгие годы занимал и продолжает занимать ученых многих стран. Большинство мнений сводится к тому, что жития возникают как первые агиографические произведения на древнеболгарском языке и тем самым кладут основу оригинальной славянской агиографии. В защиту старинности житий приводились лингвистические, историко-литературные и исторические аргументы. Преобладает мнение, что житие Кирилла написано в Моравии еще при жизни Мефодия. Одни ученые считают, что житие Мефодия написано в 885 г. вскоре после кончины моравского архиепископа (6 апреля), а другие — что оно создано в Болгарии. По моему мнению, это произведение появляется в болгарской среде после 893 г., когда складываются наиболее благоприятные условия для признания Мефодия святым.

Житие Мефодия сравнительно недостаточно исследованный памятник, особенно с литературной точки зрения. В данной работе предметом моего внимания будут только некоторые вопросы, связанные с содержанием и формой жития, характеризующие его как памятник ранней болгарской агиографии.

Житие Мефодия открывает обширное, занимающее треть общего объема произведения введение. Будучи необычным явлением, введение вызвало разные толкования у исследователей. Некоторые из них (напр. Вейнгарт)¹ считают, что в своем первоначальном виде житие имело более короткое введение, а впоследствии оно было за-

менено более пространным введением, написанное другим автором. Однако известные до сих пор 15 копий показывают единство текста. На протяжении веков содержание жития изменилось минимально, изменения преимущественно в языковом и орфографическом отношении. Этот факт создает убеждение, что своим введением дошедшее до нас произведение отражает форму и содержание подлинника. Оно воспринималось таким образом и другими учеными даже тогда, когда было известно гораздо меньше копий. Поэтому основное внимание исследователей было сосредоточено на решении другого вопроса - каковы источники пространного введения. Фр. Гривец² считает, что оно представляет собой самостоятельное сочинение Константина Философа или, может быть, Мефодия, использованное создателем жития. По мнению В. Вавжинка,³ введение базируется на "исповеди веры", которую по всей вероятности Мефодий произнес при его назначении панонским епископом, а также и позднее, когда в Риме он должен был опровергнуть немецкие обвинения в неправовности. Это интересная и правдоподобная догадка, однако она все же остается недоказанной. Можно сделать и другое предположение: введение составлено самим автором жития на основе разных византийских источников. Различие в стилях вводной части и основной части жития можно объяснить различием тематики и целей обеих частей, а также влиянием использованных во введении византийских источников.

Оставляя в стороне вопрос о источниках введения и рассматривая его как часть целостного агиографического произведения, мы должны признать, что как по объему, так и по содержанию оно является необычным и представляет отклонение от византийской агиографической нормы. В таком случае естественно встает вопрос о причинах этого. Является ли композиционная несоразмерность введения по отношению к остальным частям сочинения признаком недостаточного литературного опыта и недостаточной культуры автора или с этим связана постановка общественных задач, которые для своего времени были очень важными.

Насколько правильно рассматривать жанры, существовавшие в средние века, как нормативные, настолько ошибочным было бы считать абсолютными норму и канон и отрывать произведения от времени и среды, с которыми связано их создание. В силу этого средневековые предлагает нам разные типы житий - в них отражены сти-

левые особенности разных эпох и вместе с тем задачи конкретного исторического момента. Я полагаю, что во введении жития Мефодия автор ставит перед собой задачу, связанную с потребностями времени и среды, для которой оно предназначено. Его содержание и логика изложения ясно показывают, что создатель жития стремился убедительно показать, что Мефодий — необходимое звено в ряду избранных, посланных богом на пользу рода людского. Он связывает историю человечества и христианства с появлением Мефодия, рисует его на фоне этой истории и приравнивает его к выдающимся личностям. Следовательно, все введение имеет целью представить Мефодия выразителем божьей доброты — в данном случае применительно к славянам, — ступенькой в мировой истории и в истории церкви. Такую же идею находим и в Житии Климента Охридского, написанном архиепископом Феофилактом (XI в.), но там она касается обоих братьев. По всей вероятности, она взята из славянского источника Феофилакта (X в.). Идея восходит к Пространному житию Кирилла, однако там она выражена в более краткой и общей форме. Обширное введение в Житие Мефодия является конкретным развертыванием данной темы на основе библейских и церковно-исторических материалов. Очевидно, мысль о том, что Кирилл и Мефодий — божьи посланцы, избранные и славное продолжение человеческой духовной истории, была исторически необходимой славянству. Поэтому оно волнует учеников Кирилла и Мефодия и учеников их учеников. Почему автор жития Мефодия так настаивает на этой идее? Это можно объяснить обстановкой, в которой он работает. В Преславе, среди народа, недавно принявшего христианство, Мефодий на первых порах не пользовался такой популярностью, какой он пользовался в Моравии. Автор стремится убедительно мотивировать его канонизацию и утвердить его культ. Подобная задача имела большой вклад в утверждение славянского достоинства и облегчала просветительскую деятельность учеников Мефодия.

Введение отличается от житийной части произведения в стилистическом отношении, но в содержательном плане оно составляет с ней нерасторжимое единство. Известно, что оно оканчивается словами: "в наше время", "ради нашего народа" бог побуждает к настоящему подвигу Мефодия, который, если сравнить его с упомянутыми божьими угодниками, оказывается равным им, или немного

ниже их, или даже выше, опережая их делом и словом. Высокая оценка Мефодия кончается обобщением: "Уподобляясь всем, он проявлял в себе образ всех". Это довольно смелая мысль: Мефодий совмещает в себе качества всех пророков, апостолов, патриархов, учителей и борцов против ересей, о которых автор уже писал. Еще более важным является то, что эта идея выражена не только здесь. Цитированные строки осуществляют переход из вводной части к житийной, в которой уже в другом стиле, на основе конкретных фактов и действий, Мефодий будет показан и в образе пророка, и в образе учителя, и в образе духовного главы, и в образе борца против ереси. Таким образом, введение является теоретическим вступлением к фабульной житийной части, выполняющей функцию образной иллюстрации обобщения автора. Житийная часть должна доказать, что Мефодий как личность "проявляет в себе образ всех" предшествующих ему божьих угодников. Рассмотренное как мотивация канонизации Мефодия и как органическая часть произведения, в которой намечены основные направления изображения, введение получает глубокий смысл, и ни в коем случае его нельзя считать отдельно написанным сочинением.

Собственно житийная часть произведения довольно коротка. Образ Мефодия в ней создан в ясно определенном славянском плане. Автор добивается этого путем отбора материала и расставления в нем акцентов. Так называемый византийский период жизни Мефодия прослеживается чрезвычайно бегло и поверхностно. Разказ становится значительно более подробным и конкретным, когда автор касается Моравской миссии. Тщательно прослеживается роль деятельности Мефодия как главы духовенства, создается представление о его взаимоотношениях с немецким духовенством, о его переводческой деятельности, о его хождении в Константинополь, о его борьбе с язычниками и еретиками. Таким образом, распределение жизненного материала и расстановка акцентов изображения относительно деятельности Мефодия на пользу просвещения и церковного управления славян являются причиной того, что он предстает перед нами в первую очередь в образе преданного славянского учителя и смелого духовного вождя. Этим автор Жития Мефодия разнится от автора Жития Кирилла, нарисовавшего своего героя в более законченном и многостороннем виде как одаренного ребенка, как способного уче-

ника, как миссионера-дипломата, как философа и литератора и т. д. Избранный автором способ изображения Мефодия можно истолковывать как указание на то, что создатель жития не располагал подробностями о молодости Мефодия в пределах Византии, но был свидетелем моравского периода его деятельности. Еще более вероятным кажется предположение, что автор интересовался больше всего славянским периодом жизни своего учителя и что он сознательно уделяет ему особенное подчеркнутое внимание. В Болгарии Мефодий канонизирован благодаря своим заслугам по отношению к славянам. Вот почему автор жития, не будучи враждебно настроенным к византийскому императору и патриарху, сделал предметом своего внимания не столько связи Мефодия с византийским государством и его заслуги перед Византией, сколько его деятельности и подвиги среди славян. Так по сравнению с образом Кирилла, созданным в другой обстановке, образ Мефодия представлен более односторонне, но вместе с тем более целенаправленно.

Житие Мефодия обладает ярко выраженным повествовательным характером. Основное внимание автора направлено на отображении событий. В произведении отсутствуют философские толкования и обширные размышления. Образ Мефодия создается рядом эпизодов, в которых часто использована прямая речь в форме диалога или совета. Диалог естественный, отрывистый и содержательный. Весь рассказ характеризуется простотой и ясностью. Отбирая эпизоды и реплики, автор проявляет интерес к любопытным и интересным фактам. Возьмем, к примеру, суд над Мефодием. В этом эпизоде Мефодий предстает перед нами как человек из плоти и крови. "В нашем округе учишь" - говорят ему противники. С исторической точки зрения эта реплика является очень важной. Она показывает главную причину конфликта между Мефодием и немецкими епископами. Речь идет о борьбе за власть. Дальше разговор приобретает более литературный характер. Он не воссоздает в целом ход исторического диспута, не воссоздает даже наиболее важного в нем. Автор стремится выявить в отношениях то, что произведет на читателя сильное впечатление и придает повествованию драматичность. Мефодий обвиняет своих противников в "остервенении и алчности", в нарушении канонов, он угрожает им, что в желании пробить "черепом из костей" "железные горы", они разможат себе голову. Враги

отвечают ему также угрозой: "Раз ты остер на язык, тебе будет худо." Вмешивается и король но скорее всего не как государственный деятель, а как человек, в уста которого автор вкладывает ироническое замечание: "Не мучайте моего Мефодия, потому что он воспел как у печи". Мефодий отвечает остроумно и язвительно афоризмом, напоминающим расширенную пословицу.

Кроме любопытного автор часто пользуется эффектом неожиданности. Над Мефодием нависла опасность, но дело неожиданно обрывается в его пользу, и все венчается благополучным. Это предоставляет читателю возможность самому делать выводы относительно обаяния личности Мефодия. Приведу для иллюстрации один эпизод. Противники Мефодия распространяют недобрую молву: "Царь /византийский/ разгневался на него /т.е. на Мефодия/ и, если найдет его, не оставит его в живых". Угроза страшная, она касается жизни Мефодия. Создается напряжение - какая судьба ждет учителя. Однако все происходит как раз наоборот. Царь посылает доброжелательное и почтительное письмо, он сильно жаждет увидеть Мефодия и насладиться его молитвами. Хождение Мефодия в Царьград было продиктовано важными политическими причинами; однако автор не вникает в них, для него важнее само событие и отношение царя к Мефодию. Поэтому и далее он не рассказывает о проведенных разговорах, а подчеркивает, что Мефодий в самом деле был принят царем и патриархом с радостью, и "ему были оказаны большие почести", его учение получило заслуженное признание, а затем его провожали, заключая в объятия и осыпая богатыми подарками. Показывая контраст между угрозой и случившимся на самом деле, не пускаясь в рассуждения и анализы, автор выступает в первую очередь как рассказчик, который хочет заинтриговать читателя и интересным случаем прославить своего героя. События принимают неожиданно счастливый оборот и придают повествованию занимательность. На таком принципе основано построение двух еще эпизодов в житии Мефодия - о папе и сторонниках йопаторской ереси (гл. XII), о Мефодии и венгерском короле (гл. XVI).

В житии приводятся четыре письма - одно, написанное Ростиславом императору Михаилу, другое - папой Адрианом князьям Коцел, Ростиславу и Святополку, третье - папой к еретикам и четвертое - византийским императором Мефодию. Налице стремление

"засвидетельствовать" события - один из часто встречаемых агиографических приемов. В этом отношении создатель жития Мефодия имеет своим учителем автора Пространного жития Кирилла. Однако при оформлении писем в обоих житиях намечаются некоторые различия. Большинство писем в Житии Мефодия совсем краткие. Они не оформлены как официальные послания высшей инстанции, а написаны просто - тем же способом, каким написаны остальные разделы житийной части произведения. Они являются звеньями фабульного развития, играют важную роль прямой речи. В письмах отражается историческая действительность, но она не вполне конкретная и объективно представленная. Письма не аутентичны, они переданы стилем и языком создателя жития с расставлением некоторых акцентов с точки зрения славянина, утверждающего деятельность Мефодия. Как важные фабульные звенья, послания несут в себе функцию документальных свидетельств законности и правильности поступков Мефодия. Только одно из писем - письмо папы Адриана к славянским князьям (869 г.) - обширно и оформлено в стиле эпистолярного жанра. Приводит ли автор точно папское послание, или сознательно вносит в него изменения; действительно ли Адриан отправил обширное послание Ростиславу, Коцелу и Святополку, или автор сочинил это письмо, имея в виду мысли, высказанные в более поздних папских посланиях - на эти вопросы пока никто не дал окончательного ответа. Однако, рассматривая житие не как исторический источник, а как художественное агиографическое сочинение, мы должны отметить, что послание составляет в нем очень интересный и важный в идейном отношении момент. Тот факт, что автор обращает особое внимание на это письмо используя для этого эпистолярную форму и пространность изложения, конечно, ни в коем случае нельзя считать случайным. В папском письме выдвинуты значительные для славянства идеи. Здесь подчеркивается, что Кирилл и Мефодий не сделали ничего "противного канонам", а приехали в Рим и привезли с собой мощи св. Климента, и что папа с большой радостью провожает Мефодия в Паннонию со словами: "... чтобы поучать вас, как вы хотите, и чтобы объяснять на вашем языке книги всего церковного порядка полностью". Он позволяет не только Мефодию, но и еще "кому-то другому" поучат "достойно и правоверно". Папа хочет, чтобы соблюдалось только одно условие - евангелие и апостол

сначала должны читаться на латинском языке, а потом уже - на славянском. Далее он заявляет: "Ежели кто-нибудь из собранных вами учителей, кто льстит вашему слуху и отклоняет вас от истины в заблуждение, осмелится и начнет развращать по-другому и хулить книги на вашем языке, пусть он будет отлучен не только от причастия, но и от церкви до тех пор, пока не исправит своей ошибки" (гл. VIII).

Таким образом, читателю внушается, что уже Адриан II, принявший обоих братьев в Риме, благославляет славянское богослужение, открывает широкую дорогу славянской письменности и строго осуждает тех, кто осмелится бы ее хулить. Это является доказательством ее святости и законности, высоким признанием Мефодия и его учеников. Таким способом защищаются права славянского богослужения и славянских книг, продолжается борьба Кирилла и Мефодия.

Если сравнить житие Кирилла с житием Мефодия, то можно отметить, что автор последнего не проявляет особого интереса к лирической ритмизованной речи. Он рассказывает просто, правдиво, использует короткие предложения. Однако нельзя сказать, что он не знает ритмизованной речи. Ее можно уловить в введении к житию и в предсмертном завещании Кирилла. Это один из не многих образно-поэтических моментов в сочинении. Его цитировали не раз по разным поводам и он хорошо известен, поэтому его приводить здесь я не буду.

Образ пары волов, которые вместе вспахивают, заимствован в творчестве Григория Назианского - автора, которого изучали и использовали как сам Кирилл, так и его ученики. Д. Чижевский⁴ высказал мнение, что предсмертный завет Кирилла представляет собой законченное восьми - и девятослоговое стихотворение. Д. Чижевский допускает, что оно принадлежит Мефодию. Это только предположение, которое не может быть серьезно аргументировано. Налицо агиографическо-панегирический прием, использованный в IX-X вв. и ставший характерным для более поздних эпох. Мы не должны видеть творчество святого или современной ему личности в каждой части жития, имеющей подобную стихотворную форму. С моей точки зрения бесспорно, что предсмертный завет Кирилла в житии Мефодия оформлен создателем жития. Своим лирическим характером оно

соответствует моменту, в который оно высказано, и удачно связывается с образом Кирилла, который наряду с другими видами своей деятельности является и поэтом. Кроме того завет несет в себе большой идейный заряд, который был нужен в то время. Он остается в сознании и благодаря особенной форме, в которой выражен; он подчеркнут и стилистически. Учительство Мефодия поставлено среди подвигов на более важную ступень по сравнению с отшельничеством в монастыре; это повеление Кирилла, добившегося еще при жизни высокого признания, а к моменту создания жития Мефодия признанного уже святым. "Не бросай учительство!" - эти слова звучат как завет, как обобщение не только по отношению к Мефодию, но и ко всем ученикам и последователям Кирилла. Выражена идея, не перестающая быть актуальной еще десятки лет до окончательного утверждения христианства и славянской письменности. Учительская деятельность является первоочередной задачей учеников Кирилла и Мефодия после их прибытия в Болгарию, и этой задаче все они верно служат.

Краткость, простота и правдивость основной части Пространного жития Мефодия производили впечатление на многих ученых, которые пытались объяснить эти особенности. Это было вызвано главным образом сопоставлением с житием Кирилла, которое гораздо обширнее, имеет более стройную композицию и намечает гораздо более широкий круг проблем. Одни считают, что произведение было написано наспех и тем самым недооценивают его. Другие допускают, что оно было написано для менее образованного читателя. Анализ показывает, что житие Мефодия очень хорошо задуманное произведение. Как мы уже отметили выше, введение органически связано с житийной частью; образ определенно создан с позиций славянства; идеи о значении учительства и о регулярном славянском богослужении внушаются доказательно, убедительно. Стилистический анализ в узком понимании этого слова показывает внимание к языку и умелое использование ряда испытанных фигур речи. Кроме того хочется подчеркнуть, что житие Мефодия своей простотой и нарративным характером не остается в стороне от агиографической традиции. В поисках параллелей, не ставя между ними, конечно, знака равенства, мы видим, что в Византии до Метафрастовой редакции далеко не редко встречаются правдиво и без претензии написанные жития

такого типа с подчеркнутым интересом к событийной стороне. Таковыми являются и агиографические произведения, созданные на болгарской земле в первой половине X в. В таком случае по стилю, в широком смысле этого слова, житие Мефодия включается в круг произведений ранней болгарской агиографии, следующей традициям до-метафрастовой житийной редакции. В своих основных идеях оно полностью отвечает духу борьбы за утверждение дела Кирилла и Мефодия в Болгарии. Пространное житие Мефодия, "Похвальное слово о Кирилле и Мефодии" и "Служба Мефодия" составляют единый цикл, который является результатом признания Мефодия болгарским святым.

ЛИТЕРАТУРА

1. M. Weingart, K dnešnímu stavu bádání o jazyce a písemnictví církevnoslovanském. - Byzantinoslavica, V (1934).
2. Fr. Grivec, Prvo poglavje Žitija Metodija. - Беличев сборник, 1937, с. 135-140.
3. Vl. Vavřínek, Staroslověnské Životy Konstantina a Metoděje. Praha, 1963, 86-92.
4. D. Tschizewskij, Der heilige Method. - Methodiana. Wien, 1976.